

Неопубликованные отрывки из писем Чехова // Сегодня. Рига, 1940. 14 февраля. № 44.
С. 6.

Неопубликованные отрывки из писем Чехова.

Эпистолярное наследие А. П. Чехова огромно и представляет исключительный интерес, не только библиографический, исторический и бытовой, но и часто художественный. Много его писем Чехова уже опубликовано — в 1912-1914 г. г. вышло шеститомное собрание его писем, затем, уже в советские годы, было опубликовано несколько сот ранее неизвестных писем Чехова к Григоровичу, Мазлову - Бизюкову, А. П. Чехову, А. С. Суворину и др. И все же в литературных архивах и в отдельных лиц имеется еще множество писем Чехова.

80-летие со дня рождения Чехова дало повод к появлению полностью или в отрывках неслыханных еще не опубликованных писем А. П. А. Роскина приводит в «Литер. Газете» отрывки из писем Чехова, которому посвящается следующее повествовательное вступление:

«В 1887 г., задушив свою «Степу», Чехов поблизил в Таганрог и соседние степные джурки: ему хотелось, прежде чем приступить к работе, освятить впечатления своей юности, снова, после восьмилетнего отсутствия, побывать в местах, по которым должен был совершить свое первое путешествие чеховский Егорушка. Со родины Чехов посылал семь в Москву длинных писем — дневники, и в них петружно узнали мотивы написанных Чеховым позже рассказов и повестей — «Степа», «Опиз», «Перекати-поле», «Ученик словесности», «Святого юности». Эти письма уже были опубликованы, но далеко не во полном виде. Между тем опущенные в них строки представляют большой интерес. Со восторгом описывал Чехов природу вокруг Таганрога, но совсем в иных тонах описывал он родной город: жизнь таганрогских обитателей показавшись Чехову пошлой и жалкой, он покинул Таганрог с грустными, тяжелыми чувствами.

Приведем некоторые из наиболее значительных по размаху курьез в письмах — дневник Чехова от 7-14 апреля 1887 года. Он очень выразительно рисует ту мещанскую провинциальную среду,

знание которой обогатило Чехова многими важными жизненными наблюдениями.

Прибавляя в Таганрог, Чехов остановился у своего дяди, Митрофана Егоровича Чехова. Митрофан Егорович, как и отец Антона Павловича, занимался «коммерческими делами», то есть торговал в мещанской лавке. Он был человеком весьма педагогичным, однако, доброй души, искренне любимым всеми племянниками. Семью Митрофана Егоровича, ее окружение, а также и давних знакомых Чехова и описывает Антон Павлович в нижеприведенных, не появившихся до сих пор в печати отрывках».

«Л. П. (Людьми Павловна, тетка Антона Павловича), «рада», забывая засыпать дорогого чая и вообще находить нужным навестить да отобраться там, где не нужно. Смотреть подозрительно: не оступил? Но при всем том рада угостить и обласкать».

«О. П. (Г. М. Чехов — двоюродный брат Антона Павловича) знаком с Мамки, со Горюхиной, с Бакитской и другими барышнями, созданными исключительно для того, чтобы поминать в будущем вальсы головы дыньками. Владимирчик (В. М. Чехов — двоюродный брат А. П. Чехова), наружно напоминающий того такого и сутуловатого Мищенко, к ней в вас был крохоток и молчалив; катры, повидимому, хорошая. Готовится к святильницам церкви. Поступает в духовное училище и мечтает о карьере митрополита. Остаю быть, у дяди не только слова да, но будет даже и свой митрополит. Сама такая же, как и была, а Леля мало отличается от Саши».

Далее следуют описания обстановки в доме Митрофана Егоровича:

«...Портреты весьма похле и Коатсы с Кларками, расписанные всюду. Сильно быть в нос претензия на роскошь и богатство, а вкуса меньше, чем у богатого сапога жестокости. Тёсна, жара, недостатков столов и отсутствия всяких удобств. Ириха, Володя и Леля сидят в одной комнате, дядя, Л. П. и Саша в дру-

гой, Егор в передней на сундуках; не ужинаят они вбродно умыленно, иначе их долб давно бы вылетел на воздух. Жара идет и из кухни и из печей, к-ны все еще толстые, несмотря на теплое время. Ватер у чорта на кулакча, подь заборм. Столов нет, если не считать домберных и кружмил, поставленных только ради украшения комнаты. Нет ни плевательниц, ни приличного рукомыльника... салфетки стры, Ирилушка оброзгла и не изнаши. то есть засыпаться можно, так плохо».

М. Е. Чехов состоит церковным старостой одной из таганрогских церквей. К пасхальной заутрене он отправился со всей семьей в церковь, где продавать свеч.

«Егор, как франт и либерал, свечей не продает, а стоит в стороне и оглядывает все равнодушными оком. Зато Владимирчик чувствует себя в своей тарелке».

«Дома разговенье в Ирилушкиной комнате: прекрасные кушачи, отвратительная колбаса, стры салфетки, духота и запах дёгтящих обфай. Дядя разговляется у о. Василия. Напились и выпили сантурин... колбасы, ложусь и засыпаю.

Утром наместие попов и пёвчих. Я иду к Агагину. Полина Ивановна рада. Липочка не выходит ко мне, потому что не пускает ревнивый муж. Николай Агали, здоровый бабест, державший вездь выпускной знаком, не выдерживающий и мятущий о Цюрихском университете. Гуляю.

От Агали иду к М-ме Савельевой...»

«...Обфай: суть и жареныя кури (в праздник нельзя без птиц, дёгтяка! Отчего не позволить себе роскошь?)

Во время обфай прискакал Камбуренюк — обфукет с черной бройкой рожей, в бфой жилетке и достаточно уже насантуринившийся, шлясь по визитам».

— Ей Богу, приходи ко мне! — заговорила от. Я всегда твои субботники читаю. Мой отец — тип! Приходи посмотри. Ага, да ты забывашь, что и жава-

тый! У меня уже дочка есть, ей Богу... Да как ты пережилась! и т. д.

После обфай (суть с твердым псом и кури) я поблизил к Холаковскому. Павл живёт недурно, хотя и не с той роскошью, какую мы знали раньше. Его блдобрмаса Мана — жарный польский, хорошо прожаренный кусок мяса, красивый в профиль и неприятный в лице Мшючки под глазами и усиленная деятельность салыных железок. Повидимому, бфдовая. Подозие я узнал, что в истенный сезон она езда не бжжала с актером и продала даже свои кольца, серьги и проч. Это по секрету, конечно...»

«...От пана к Лобод. Вс Лободым постарай страшно. Аноша пфизий, как дуа, Дашенька потототала. Варышка постарай, похула и выскла; когда она смфется, то нсть ее приближается к лицу, а подбормок, морщас, лбзет к носу. Марфа Ив. тоже постарай. Сда. Она мф очень образовалась и согласилась ехать со мной в Москву. У Лобода видбз бесмертного Цареню, гнравого, бфдливго и либерального. Петр Загарыч жив; очень мф обрадованся, интересовался всеми напмш... Говорить ошипнать, необыкновенно дикими голосом, так что безз смфха слышать его совсем невозможно; быть жедать, но равнелась с женою. Ида от Лободы домой, я встретил М-ме Савельеву с дочкой. Дочка вся в пеленку: много хочотеть и уже прекрасно говорит. Когда я помогу ей найть ушавшую со вогт каню, она в знак благодарности томо выгнула на меня и сказала: «Приходите к нам почевать!».

Пояснения А. Роскина к отрывкам: Ирилушка — старая яна в семье М. Е. Чехова, относившаяся с большой любовью к маленькому Антону Чехову, нередко искавшему утешения в ласке в доме своего дяди. Егор — Георгий Митрофанович Чехов; неопубликованные архивные материалы позволяют установить, что некоторое портретное сходство Егорушки с «Степой» с двоюродными братьями А. П. Чехова. Агали — знакомая Чеховым таганрогская семья. Савельева — жена опукурсника А. П. Чехова, д-ра Д. Т. Савельева. Камбуренюк — один из членов семьи Камбуреных, близкой семье П. Е. и М. Е. Чеховых. Кушачи И. И. Лобода — дальний родственник Чеховых. «Рада», «забула», «барышни», «кури» — вос-

произведение таганрогского жаргона. Марфа Ив. — Марфа Ивановна Морозова — тетка А. П. Чехова. Через много лет, приглашая Чехова вновь приехать в Таганрог, Марфа Ивановна с удивительной наивностью писала: «Антоня прибжай к нам в Таганрог, ты неузнаешь его... Я неаю как бы тебя замануть к нам в Таганрог. Антона я очень потототала и помомодата, а силы непривольно просто барыня стала мо почтеня красавица».

Но Чехова в Таганрог уже не тануло.

Рукописный отблом московского Литературного музея у родственника врача Д. Т. Савельева, товарища А. П. Чехова по таганрогской гимназии прибротен: 11 писем Чехова 1888 — 1884 гг. к Д. Т. Савельеву и его жфн. В этих письмах рисуются студенческие жизни А. П.

Основная тема писем — политическое бедствие. «Вс пфшюшася у меня и ухаживал на семью и теперь сжач на бфбиз, ошущая всьма своими нервами отсутствие в кармане всякого присутствия», — пишет А. П. Чехов в одном из этих писем. «Рыскал вчера пфыйм вечер и окром 5 рубл... (ничего) не добыл», — читаем в другом. «Наварю для Вас солонина с хрбном», — предлагает он Савельева, приглашая идти к нему; повидимому, это незагнйное блюдо являлось для автора письма а адресата верхожм извншавости и роскоши. Дёло нмюда дошло до таких курьезов: А. П. Чехову для того, чтобы пойти на какое-то свидание, пришлось позаминствовать сырукот у своего приятеля. «Спасибо тебь восьмизнакомое (с черкаком и потребом), не бул твоего сырукта, я поблиз бы оть равнодушия жемшнш...»

Годы студенческой жизни были годами и первых литературных шагов молодого Чехова. Но сначала А. П. выступал как литературный полемик: «Утомлен до безобразия. Пишу фелетоны». — то и дёло мелькает в его письмах. Несмотря на тяжелое материальное положение, Чехов ни на минуту не теряет столь глубоко свойственного ему чувства юмора. «Приду в Таганрог в конце июня — в полной надежде, что у меня уже есть невеста. Вым мф обфашная», — пишет А. П. Чехов жфн Д. Т. Савельева. Е. И. Савельевой. — Мои условия: красота, грация и ум! Умачеюхь кот 20. Нфшбшая колбаса ушаско мнравительна...»